— Эй, Гермиона, тебя желает видеть МакГоннагал.

От этих слов меня пробивает озноб. Вполне хватило бы тона передавших их Фреда и Джорджа, без обычного кривляния и хохмачества. Но, учитывая, что сегодня двадцать третье февраля, и завтра состоится второе задание, я знаю точно, почему её забирают от нас.

— Уильям? — спрашивает что-то явно почувствовавший Гарри.

Гермиона также смотрит с участием, а я вдруг понимаю, что с трудом перевожу дыхание.

— Что не так?

И как, чёрт побери, я должен выбраться из этого всего? Закрываю глаза, вызываю Ничто и заставляю себя успокоиться.

— Просто, в-общем, нехорошее предчувствие.

— Уверена, всё в порядке, это же просто профессор МакГоннагал, — уверяет она с обнадёживающей улыбкой. — Вот увидите — я скоро вернусь.

— Конечно, — соглашаюсь я и быстро отворачиваюсь. Чтобы не видеть её уход и не поддаться искушению остановить. Она держит дистанцию со времени поцелуя, в который раз доказывая, насколько она сильнее меня. Мы всё ещё ловим взгляды друг друга, которые замечает Гарри, но, к счастью, наши физические контакты ограничены прогулками под руку.

— Что происходит, Уильям? — спрашивает Гарри.

Рон и Невилл отвлекаются от шахматной доски, также с озабоченным видом, хотя у них не так уж много времени до отбоя, чтобы и партию закончить, и блаженно поваляться несколько минут на замечательно удобных диванах общей гостиной.

— Позже, — я замираю, как уставшая муха, в паутине времени.

Возвращаюсь к книге и некоторое время избегаю пристального вопрошающего взгляда Гарри. Отбросив претензию на увлечённость чтением, я встаю и иду совершенно не глядя. Пока не упираюсь в чернильно-зеркальное пятно оконного стекла, чтобы тут же уставиться на него, совершенно ничего не замечая.

— Нервничаешь, Уильям? — спрашивает меня Парвати, сидящая в кресле рядом. В том же ряду Лаванда и девушка помоложе, имени которой не знаю.

— М-м, — я прямо образец уклончивости.

— Почему? — интересуется Лаванда, а Парвати посылает ей охлаждающий взгляд.

— Гарри не выглядит обеспокоенным, — более дипломатично намекает Парвати. — Вы же вроде тренировались для этого, да? Наверняка он опять станет лучшим.

— Он же Гарри Поттер, в конце концов, — вступает в разговор третья девушка.

— Это точно, — говорю.

Парвати встаёт и обхватывает меня руками. Сначала я в ступоре, да ещё Лаванда театрально задыхается, но быстро прихожу в себя и даже успеваю обнять в ответ до того, как она отступает и похлопывает меня по рукам. Как ни странно, но это поднимает мне настроение. Очевидно, я слишком охоч до обниманий.

— Спасибо, Парвати, — возвращаю я ей улыбку.

— Похоже, тебе нужно было обняться.

— Мне всегда приятно обниматься с привлекательной девушкой. По правде думаю, надо бы мне почаще ходить в образе рыцаря печального образа ради таких последствий.

— Я говорила, — начинает Парвати под их общее хихиканье, — что со мной тебе не надо прибегать к уловкам. Но, как я обычно вижу, у тебя всегда под рукой симпатичная девочка для обнимашек. До сих не могу поверить, хоть сама вместе с Лав всё видела в подземельях, как это ты на самом деле умудрился подружиться с Дафной Гринграсс.

— Любовь зла, всего лишь.

— А что у вас происходит, ребята? — с надеждой спрашивает Лаванда. — Я даже Виктора Крама видела с вами. — Безымянная для меня девочка скопировала её движение.

— Ловля свежих сплетен на живца, а? — и прищелкиваю языком на её смущение. — Боюсь, что слухи гораздо интересней реальности. Среди нас нет пар. — А ведь она может и в обморок свалиться от порождённого ожиданием сплетен возбуждения, да ещё если я ей расскажу о произошедшем между мной и Гермионой. Но потом вспоминаю, что она полагает, будто гораздо более интересное случилось раньше.

— А что Краму нужно? Помощь в Турнире? — спрашивает Парвати.

— Нет, ему просто хорошо в нашей компании, ведь мы не… — замолкаю, подумав, что и Лаванда, и младшекурсница вполне могут быть среди регулярно подлизывающихся к нему. — … в-общем, ему нравится отношение без ажиотажа. Всё равно, ещё раз спасибо, Парви, — проговариваю побыстрее, как будто не придаю этому всему значения. Прижавшись к ней ещё раз и махнув рукой на прощание, возвращаюсь к Гарри и остальным.

— Я тут всё вижу, — улыбается Гарри и качает головой. — Стоит Гермионе выйти на минутку, и ты тут бросаешься в объятья к другой. А уж как её это заинтересует.

В ответ я слегка улыбаюсь, но молчу. Рон предлагает Гарри сыграть в шахматы, чтобы отвлечь мозги, на что тот с удовольствием соглашается. А мне приходится тихо убеждать Невилла, что тот добыл более чем достаточное количество жаброслей. Но он нервно выбалтывает, с видимой дрожью преодолевая собственные страхи, что может хоть Снейпа попросить, если надо ещё. И бессознательно касается груди, а у меня вздрагивает сердце при виде круглой выпуклости под одеждой. Невилл замечает и робко показывает медальон. На что я улыбаюсь так широко, что мне становится больно. А вскоре Гарри отвлекается от игры на часы и сдвигает брови.

— Что-то Гермионы всё ещё нет. — И от его слов я теряю остатки улыбки. — Что происходит, Уильям? Да не скажу я ничего ей про Парвати, если не хочешь.

— Да не в этом дело, тут другое. — Как всё обыграть? Сказать, что я вычислил это из стиха? Но тогда они удивятся, почему я раньше ничего не сказал. Гарри отвлечётся, но я всегда могу отбрехаться, что не слишком верил в такую возможность. Смотрю на трёх моих сожителей и вздыхаю. — Не думаю, что Гермиона вернётся сегодня.

— Что? — Гарри ракетой взлетает с места, почти опрокинув столик, на котором они с Роном играют. Он готов бежать из гостиной, и только на мгновение тормозит, ожидая меня.

— У неё всё окей, Гарри, но… — накладываю чары уединения для нас четверых. — Помнишь, что там яйцо говорило? — и вижу как кровь отливает у него от лица.

— А взяли то, чего тебе хватать не будет на земле, — приглушённо звучит речитатив Гарри. А я мрачно ему киваю.

— Я предполагал что-то подобное, но при наличии пары последних строк не думал…

— Оно уж не увидит свет, — Гарри опять впадает в панику. — Уильям, идём немедленно забирать её!

— Гарри, Дамблдор и МакГоннагал не позволят чему-нибудь с ней случиться.

— Он прав, друг. Вот тебе причина добраться до неё побыстрее, — вступает в наш диалог Рон. Закрываю глаза: это не те слова, что нужны сейчас.

— Да мне плевать на турнир, Рон! — его глаза пылают цветом смертельного проклятья, так что Рона передёргивает и заставляет слегка съёжится.

— Гарри, — я ищу способ перенаправить его ярость. И решение оказывается рядом. — Если мы заберём её, им понадобится кто-то на её место. Они ведь у других чемпионов тоже заберут кого-то близкого. — Его гнев начинает давать дорогу участию, и я глубоко вздыхаю. — Если хочешь, я займу её место.

— Нет! — всё ещё страстно говорит Гарри.

— Позволь мне, Гарри! — выпаливает Рон. — Ты беспокоишься об опасности, но я нет. Уверен, что буду в порядке, поэтому позволь мне.

Ронова идея успокаивает Гарри лучше моего предложения.

— Я не могу позволить тебе занять её место, Рон, моих мучений это не уменьшит. Как я могу разменять одного друга на другого? — но мне заметны его колебания.

— Ты что, надо мной издеваешься? Да я с радостью приму участие в Турнире, пусть и не в главной роли! Вы вон с Уильямом все сливки снимаете. А подумай, как мне приходится?

От неожиданности я выкашливаю хохоток, да и ребята тоже смешки отпускают. Всё это оказывает очень сильный успокаивающий эффект на Гарри.

— Ты уверен, Рон?

— Абсолютно! — остаётся только улыбаться энтузиазму Рона и его способности успокаивать Гарри лучше меня. Напоминает, что Рон был бы гораздо ближе к Гарри, не окажись тут меня, и не улучшает моего настроения. Его неожиданные вспышки ревности вылезали на поверхность чаще, чем стоило, но в-остальном он оставался хорошим другом.

Гарри вздыхает и трёт лицо.

— Ладно, пойдём и заберём Гермиону.

Мы все четверо идём наверх, где Гарри вытаскивает карту мародёров. В который раз я принуждён перетерпеть беспокойство, что Крауч-Хмури будет разоблачён. Но, к счастью, в этот раз Хмури находится в собственном кабинете. Однако, к несчастью, Гермиону обнаружить не удаётся.

— МакГоннагал, — говорит Гарри, встаёт и устремляется из комнаты.

— Нам идти? — спрашивает Рон.

— Вы, ребята, идите. Я вам не нужен, — говорит Невилл.

Меня так и подмывает сказать то же самое, но слишком уж любопытно узнать всё самому, поэтому Рон и я на пару вылетаем вслед за Гарри. Перехватываем портрет за мгновение до закрытия, и пусть я никого не вижу, но никто из старост остановить нас не пробует. По-видимому, они уже привыкли к выходкам Гарри и его друзей. Гарри набрасывает мантию на нас троих, и нам с Роном приходится согнуться в три погибели самим и идти на полусогнутых, чтобы прикрыть ноги как можно больше. К моменту прихода к кабинету МакГоннагал нижние конечности ноют у меня со страшной силой.

— Где Гермиона? — требует Гарри, не затрудняясь поздороваться с нашим деканом.

— Мне жаль, мистер Поттер, но профессор Дамблдор сопроводил её отсюда сразу же после появления, — хмуро отвечает ему МакГоннагал.

— Но, профессор!.. — взвивается Гарри.

— Никаких “но”, мистер Поттер. Видя, что вы беспокоитесь за одноклассницу, я не буду снимать очков ни с кого из вас. Но я настаиваю, чтобы вы трое вернулись в своё общежитие, — Её обычное чопорно-строгое выражение смягчается. — И пожалуйста, обязательно поспите. Не стоит выступать во втором задании сильно не выспавшись.

По Гарри видно, что он готов ещё спорить, но Рон кладёт ему руку на плечо, и в ответ на взгляд едва заметно качает головой.

К счастью пропуск от МакГоннагал означает, что нам больше не надо мучить ноги в позе горбатых уток, от чего я ещё не отошёл. Полная Леди осыпает нас бранными словами, пока мы не показываем ей пропуск. Но и после, уже открывая нам проход, она не перестаёт пыхтеть и бормотать что-то себе под нос. Махнув пропуском перед старостами, наблюдавшими за входом, мы отправляемся прямо в свою спальню.

— Что нам делать? — напряжённо спрашивает Гарри.

— С ней всё будет окей, Гарри, — надеюсь у мня достаточно успокаивающий голос. — Просто действуй в соответствии с планом, и ты оглянуться не успеешь, как заполучишь её назад.

— Ты справишься, Гарри, — убеждённо заявляет Невилл. — Ты всегда побеждаешь.

Рон подтверждает общую убежденность энергичными кивками головой.

— Они правильно подметили, Гарри. С Гермионой всё будет хорошо. Давайте поспим немного.

И вскоре Рон похрапывает, ещё до того как в спальню приходят Симус с Дином. Я долго не могу заснуть, даже будучи полностью уверенным в способностях Гарри. Какое-то время спустя я открываю глаза и вижу сидящего Гарри, уставившегося на окно. С лёгким стоном я приподнимаюсь и опираюсь на локоть.

— Тоже спать не можешь?

Он хмуро качает головой.

— Не могу тебя винить. Я даже не участник, а тоже, едва глаза закрою — просыпаюсь. Как там защита сновидений? Не умерла случайно?

Гарри опять отрицательно крутит головой, но сразу не отвечает. Глубоко вдыхает и медленно выдыхает.

— Защита в порядке. В великолепном. Просто Гермиона мой друг уже больше трёх лет. С ней это всё потому, что мы лезем во всё вместе. Но ненавижу, что всё равно случается то одно, то другое. Неужели ей мало доставалось? Не заслужила она этого, — по мере высказывания его шёпот ставится всё горячее и горячее.

— Согласен. Но тогда никто не заслуживает. И всё-таки кому-то надо. Иногда встать на пути, иногда вступить в бой, или, невзирая ни на что, просто поддержать делающих это. Конечно, если смотреть с точки зрения обычного человека, вы не заслужили весь тот ад, в который попали, — я тоже перевожу дыхание. — Но хотите вы или нет, замечаете, осознаёте вы это или нет, но вы попали на войну. Которую кроме вас не сможет выиграть никто иной. И оценить ваши дела тоже почти никто не сможет, да и не захочет. По самым разным причинам. Вы чертовски много делаете ради безопасности друг друга — вот что важно здесь и сейчас. Невозможно всё время оставаться в безопасности, но пока вы держитесь друг за друга, вы уже только этим одним вы тыкаете Риддлу прямо в морду. У него нет никого, поэтому он желает, чтобы и у тебя тоже никого не было. Но вот фиг ему, и именно поэтому ты сильнее него.

— Если подумать, то это всё весьма печально осознавать, — после раздумья смотрит на меня Гарри с нечитаемым выражением лица.

— Да, — киваю. — Ещё и… достойно сожаления также. Но если то дитя, которым он когда-то был, и заслуживает твоей жалости, сейчас он не заслуживает никакой пощады. Он слишком далеко зашёл для исправления… Даже Дамблдор не будет с этим спорить. — Мрачно хмыкаю. — Вообще-то он как раз может и будет. Может, поэтому Гриндевальд до сих пор жив в Нурменгарде.

— Точно жив? — с недоверием спрашивает Гарри.

— Жив. Думаю, что разница в том, что Гриндевальд стремился к силе в виде политической власти и верил, что его идеи верны. Риддлу всё равно. На самом деле он знает, что неправ, поскольку сам полукровка. А реально он просто помешан на силе, и никакое её количество для него не будет достаточным никогда.

Гарри тихо обдумывает сказанное.

— Но как же тогда бороться с таким как он?

Вопрос риторический, и я не отвечаю. Он всё равно знает ответ из пророчества: просто Риддл должен умереть. Просто ведь, так? Немного везения, и ему больше не придётся беспокоиться о самом Риддле.

— Что такое, у Уильяма Лернера иссякли идеи? — в голосе Гарри намёк на игривость.

— Конечно, есть, — фыркаю я. — Я же в сознании, правда? А идеи приходят ко мне во сне.

— А поделиться с другом?

О, кажется я понимаю, что за ответ ему дать.

— В-общем, каждый день твоей жизни — оскорбление для него. Любой момент, когда ты счастлив или даже просто спокоен усиливает это оскорбление многократно.Положение у тебя хуже губернаторского, хреновое оно, бесспорно. Но есть и свои положительные стороны, когда ты не можешь позволить себе забивать голову дальней перспективой. Ты борешься, изо всех сил принимаясь за решение на каждый вызов тебе. Начинай с вытаскивания Гермионы из озера завтра. Тебе даже не надо слишком торопиться в ущерб надёжности и безопасности. Ну какая разница, если эта задница Каркаров даст тебе ноль? Не проворонь настоящую опасность и разберись с завтрашним днём. Одолеешь этот вызов и направляйся к следующему.

Гарри какое-то время обдумывает мои слова перед тем, как решительно кивнуть.

— Спасибо, Уильям. Полагаю, мне стоит снова лечь, — а я зеваю на его слова.

— Могу парализовать тебя оглушающим, или собственным моим заклинанием, чтобы ты заснул.

— Не прими на свой счёт, — тихо хмыкает Гарри под нос, — но хочу быть уверен, что проснусь завтра вовремя.

— Мудро. Имею в виду нас обоих. Не удивился бы, если бы оно отразилось от тебя и вышибло меня прямо отсюда на пол. Спокойной ночи, Гарри.

— Спок ночь, Уилл.

Невзирая на отсутствие нормального сна, я, к счастью, просыпаюсь за добрых полтора часа до назначенного начала задания. Радуюсь, что Гарри ещё спит, когда я выскальзываю из постели принять душ. Где я замачиваю себя довольно долго, размышляя про грядущие месяцы. Готовится надо к тому, что нам не удастся найти способ избавить Гарри от крестража в нём. Если нам повезёт, то моя работа станет гораздо проще. Но если пойдёт так, как я думаю, то… ладно…

— Ты здесь, приятель? — зовёт Рон.

— Сейчас выхожу!

В спальне вижу Гарри, делающего обычную нашу растяжку перед пробежкой, и ещё есть целый час до задания. Он улыбается мне.

— Все нормально?

— Я-то себя хорошо чувствую, а ты как, Гарри?

— Вроде бы вполне прилично.

— Великолепно! Пойдём куснём чего. А потом ты вдаришь этому заданию прямо по шарам!

— У задания есть, как там — шары?

— Ну, если нет, то представь Каркарова или Снейпа его живым воплощением, — предлагаю выход. — Если кто-то из доступных и заслуживает пинка по камушкам, то среди них эта парочка на первом месте.

* * *

По дороге к озеру Рон с Невиллом уверенно идут с другой стороны от Гарри. Луна составляет компанию Невиллу, но она, конечно, далека и от уверенности, и от озабоченности. По правде, она даже на озеро почти не смотрит. Я пытаюсь им — паре гриффиндорцев — соответствовать, но стоит признать — нервничаю. Напряжённая походка Гарри тоже не способствует. Впечатляющая наклонная деревянная трибуна со сходнями к воде, специально построенная

для турнира на заметном расстоянии от стоянки величественного корабля Дурмштранга, уже полна зрителей. Так что хотя бы один чемпион скорее всего уже здесь.

Пара учащихся в чёрно-зелёных мантиях отделяется и спешит к нам. По мере приближения я вижу молоденьких девушек, а потом по иссиня-чёрном волосам признаю их хозяйку прямо перед тем, как она в беспокойстве зовёт нас:

-Уильям! Гарри!

— Эй, Стори! — зову в ответ. Недолгий взгляд, и тревога в её глазах очевидна. — Что случилось?

— Ты видел Даф? Она не вернулась вчера вечером! Трейси и Блейз обшаривают замок, а я пошла сюда. И нигде не могу её найти!

Астория с подругой подстраиваются под наш шаг, пока мы с Гарри обмениваемся взглядами. Он кивает мне, и я поворачиваюсь к встревоженной мелочи.

— Я думаю, теперь она уже действительно там, внизу. Кто-то забрал Гермиону вечером и она не вернулась тоже.

— И что это всё значит, Уильям? — её беспокойство явно нарастает.

Обхватываю её за плечи рукой и слегка прижимаю к себе, и мы немного замедляемся.

— С ними обоими всё в порядке, Стори. По-видимому, в этом задании чемпионам нужно спасти кое-кого со дна озера. Дамблдор и Министерство не дадут ничему плохому с ними случиться, так что не беспокойся, например что им там нужно задерживать дыхание всё это время.

— Но... почему Даф? Почему Гермиона? — по счастью Астория успокаивается.

— По идее тебе знать не положено, но в намёке говорится примерно так: “мы взяли то, чего тебе хватать не будет на земле”. Вот я и предполагаю, что Гермиону должен спасать Гарри, а Дафну — Виктор.

— Правда? Но он провёл с ней времени гораздо меньше, чем ты. — Беспокойство заменяется непониманием, так что прогноз — благоприятный.

— Твоя догадка не хуже моей. Думаю Виктору одиноко от его известности, а Дафна была первой, кто вела себя с ним как с обычным человеком. Кстати, знаешь, а вдруг это любовь с первого сердитого взгляда?

Астория хохочет, а я замечаю, что её подруга не слышит не единого слова, постоянно переводя обалдевший взгляд с Гарри на меня с Асторией и обратно.

— Кстати, я — Уильям, — говорю ей.

— Ох, прости! Уилл, это Урсула, одна из моих соседок. Урсула, это Уильям, я ходила с ним на бал. А дальше — это Гарри, Рон, Невилл и Луна. — И даже не дожидаясь обмена кивками и любезностями, выпаливает. — Ты уверен, что с ней всё будет в порядке?

— Несомненно. Теперь я бы спросил, почему вы ушли со своих мест, но не буду. Потому что, боюсь, смотреть будет особо не на что. Самое увлекательное произойдёт под водой.

— Особо? Да мы увидим только, как нырнут чемпионы, — едко комментирует она.

— О-ля-ля, считаю гаррино ныряние будет слегка поинтересней. Но я тебе ничего не говорил, и ты никому не говори, — преувеличенно громким шёпотом добавляю ей на ушко.

И Астория весь оставшийся нам путь чуть ли не подпрыгивает от возбуждения, стараясь выведать у меня подробности. Толпа раздаётся перед Гарри, когда он отделяется от нас и направляется к ограждённому верёвками месту, где уже находятся Дамблдор и остальные судьи. Вижу Седрика и Виктора, но мне понятно желание Флер выжидать как можно дольше. Трое из Гриффиндора и пара из Слизерина прощаются и желают удачи, Астория ещё и обнимает Гарри, к большому удивлению Урсулы. И мы отправляемся в поисках хорошего места.

По дороге от причала встречаем свиту Флер. Улыбаюсь и махаю Веронике, а та в ответ легонько улыбается и кивает, а вишенкой на торте — сердитый взгляд чемпионки.

— Тебе популярность с шармбатонками нигде не жмёт, — с такими задатками Астория вырастет весёлой язвой.

— Думаю, я начинаю нравиться Флёр, — поддерживаю её тон. Остальные немножко нервно подсмеиваются.

— А куда мы, кстати, идём?

— А мы уже пришли. Окей, Стори. Вставай лицом к озеру и вытаскивай палочку.

Она с беспокойством ловит мой взгляд, и я осознаю, что поступаю грубовато.

— Ладно, — неуверенно говорит она.

Поднимаю руку ладонью вверх.

— Держи свою руку так и уравновесь палочку наверху. Постарайся направить её на причалы позади меня. — Она выполняет.

— Есть.

— А теперь думай про свою сестру… нарисуй её у себя в голове. Длинные, колышущиеся волосы цвета воронова крыла, глаза насыщенного льдисто-голубого цвета, как она сжимает губы, когда хочется что-то сказать, но приходится сдерживаться. Наполни разум воспоминаниями о ней, твоим беспокойством и страстным желанием найти её. Верь в то, что ты больше всего на свете хочешь найти её. А теперь скажи “Укажи мне”.

— Укажи мне! — Астория ловит ртом воздух, когда её палочка слегка приподнимается над ладонью и потом поворачивается градусов на пятнадцать влево. Палочка остаётся направленной в одну точку несколько секунд, а я лениво размышляю, будет ли она отслеживать движущуюся мишень.

— Превосходно! Просто здорово, Стори, — я слегка ерошу ей волосы. — Пойдём, найдём место, давай? — Я направляюсь к самому дальнему от замка краю пристаней.

— Так… так палочка показала на мою сестру? — недоверчиво спрашивает она.

— Да, так и есть. Примерно, конечно. Очевидно, она не может показывать вниз.

— Ты научил меня новому заклинанию!

— Жутко полезному к тому же. А если бы ты его уже знала, ты бы с утра в ужас пришла, когда вычислила бы, куда оно показывает, а?

— Цирцея-милостивица, да я бы умерла на месте, — переводит она дыхание.

— Так мило, что вы с Даф чертыхаетесь одинаково.

Она симпатично румянится и притворно сердито смотрит на меня.

— Как бы то ни было, что это ты так распинался о моей сестре?

— Я в полной уверенности собственного непонимания твоих дерзких намёков.

— Угу, — скрещивает она руки. — А ты не ревнуешь, что её будет спасать Виктор, а Гермиону

— Гарри?

— Конечно, нет, — смеюсь. — Сам я бы струсил. Ну а кроме того, самая симпатичная девушка школы уже идёт рядом со мной, — триумфально скалюсь я.

У Урсулы челюсть падает на грудь на моё бахвальство, но Астория не теряется, и мне игриво лупят по многострадальному плечу.

— О женщины! И ты туда же! Гермиона меня лупит по этому плечу, недавно и Дафна туда же повадилась. А теперь ещё и ты, — преувеличенно всхлипываю. — Да у меня рука скоро отвалится!

— А вот не говорил бы мне, где их любимое место, — триумфально выдаёт мелкая Гринграсс, но эффект уже не тот, когда она рассеянно слегка это место поглаживает. А может мне не прикидываться, что мне тут больно?

— Укажи мне! — внезапно говорит Луна, привлекая всеобщее внимание. Смотрю и вижу, что её палочка просто лежит на вытянутой ладони. — Укажи мне! — Палочка медленно поворачивается и показывает на замок. — Укажи мне! — Снова неподвижна. — Укажи мне! — Теперь поворачивается куда-то в район хижины Хагрида. — Укажи мне! — Не двигается.

— Что ты делаешь, Луна? — спрашивает Невилл.

— Только что убедилась, что морщерогих кизляков нет в непосредственной близости. Я могу определить замок и стойла, но не могу указать на ближайшего дракона, где бы он ни был. И до папы тоже не достаю.

— Как всегда изумительно, Луна, — улыбаюсь ей, на миг удивившись, почему Ксено не здесь, а потом вспоминаю, какие именно “новости” ему по-большей части интересны и печатаются в “Придире”.

— А что за морщерогие? — начинает Астория, но по счастью над берегом разносится голос Людо Бэгмена, объявляющий близкое начало второго задания.

Он проходится по близким результатам: Седрик — тридцать восемь, Флер — тридцать девять, Виктор и Гарри — по сорок. Последние слова порождают хор приветственных криков и освистываний, а кто-то громко проклинает имя Каркарова.

Астория тянет меня за рукав, и мне приходится пригнуться, чтобы она могла сказать мне на ухо:

— Хочу видеть!

Ухмыляюсь и с помощью ручейка магии мягко поднимаю её себе на плечи, не забыв придержать её за болтающиеся ботинки до того, как она попадёт мне ими по лицу. Как только она “приземляется”, то сразу же сгибается вниз и обхватывает руками мою голову.

— Так лучше? — зову её.

— Нет!

— Я не уроню тебя, Стори. Считай это просто платой за все те круголя, которые ты меня заставила выписывать на танцах.

— Спущусь вниз, верну власть, а там посмотрим! — Она отводит взгляд от меня, осторожно распрямляя шею, чтобы взглянуть на чемпионов.

Луна поворачивается, видит Асторию у меня на плечах и тут же тянет Невилла за рукав, указывая на нас. Тот смотрит назад, сильно удивляется нашему виду, поворачивается к довольно тощей равенкловке и с сожалением мотает головой, показывая на себя. Луна смотрит на меня умоляюще. Я ободряюще улыбаюсь, привлекаю внимание Невилла и левитирую её, к полному её же восторгу, к нему на плечи. Где она с удовольствием и устраивается, невзирая на его очевидную неловкость от происходящего. Он медленно и очень аккуратно разворачивается в сторону чемпионов.

Астория постукивает мне по левому плечу, призывая обратить внимание на Урсулу, которая сильно двигает головой, выгадывая точку для лучшего вида, и на Рона, стоящего с красным от смущения лицом, целенаправленно не сводящего взгляда с центра помостов. Качаю головой и поднимаю палец для Астории, призывая её подождать.

Бэгмен представляет каждого чемпиона по-отдельности, они скидывают свои плащи и выходят каждый на свой пьедестал, который служит чем-то вроде стартовой тумбы. Это слегка возвышенные площадки, выступающие из общего настила к озеру. И когда Урсула встаёт на угол трибун, она их спокойно видит. Я было думал поднять и её, но в этом нет необходимости. Наконец ведущий начинает отсчёт, на что Астория непроизвольно сжимает ноги в предвкушении. К счастью, несколько секунд я могу и потерпеть.

— ТРИ! ДВА! ОДИН! ВПЕРЁД!

Виктор сразу ныряет. Седрик и Флер делают то же самое секунды спустя, которые они тратят на наложение на себя чар головного пузыря. Гарри вонзает свою палочку в небо, и недолгие секунды спустя в руку ему влетает верная Молния, которую мы заранее положили на крышу хижины Хагрида. Он осёдлывает метлу и срывается прочь над поверхностью воды, смещаясь в нашем направлении. Потом замирает на несколько секунд на месте перед тем, как отправиться дальше. И повторяет это ещё два раза, удалившись уже на весьма приличное расстояние. Мгновение спустя я вижу, как он увеличивает кусок гравия и исчезает под поверхностью воды.

Голос Бэгмена легко перекрывает замирающие аплодисменты толпы.

— Абсолютно блестящее использование заклинания четырёх точек. А мои наблюдатели докладывают, что он что-то съел и увеличил камень, перед тем как нырнуть в озеро. Смело могу заявить о сильном его опережении своих старших соперников! Всем должно быть ясно, что не всё зависит от возраста и есть гораздо более важные вещи…

Отключаюсь от комментатора, который продолжает тратить время на восхваления Гарри и совершенно необязательное изложение популярной версии его истории. Наверное организаторы стремятся избежать уныния сейчас. Очевидно им даже в голову не пришло, насколько скучным будет это задание для всех остальных. Пять минут, и в толпе уже кучкуются и начинают пересуды.

— Нет, спасибо Невилл. Мне и тут удобно, — первой в нашей группе нарушает тишину Луна.

— Хм, ты можешь снять меня, — говорит мне Астория, когда народ вокруг нас рассасывается.

— О вздор, миледи! Я ведь буду преверным вашим скакуном. И вот, о где же нам резвиться и всяко всятничать, народ? — да знаю я, что бессмыслица, но мне так хочется произнести “всяко всятничать”. Разворачиваюсь и, после её взвизга, имитирую переход в галоп.

— Астория? — женский голос резко тормозит меня.

— Ой, привет, мама.

Вот чёрт. Поворачиваюсь на голос, надеясь, что покраснел я не слишком явно.

— Леди Гринграсс, — стараюсь сделать голос поуверенней, как будто у меня на плечах не сидит её младшая дочь. То, что женщина более зрелая версия Дафны, а значит настоящая красавица в полном расцвете, не способствует возможности скрыть мой румянец. — Моё имя Уильям Лернер, я очень рад наконец увидеть вас. — Потоком магии из левой руки мягко левитирую Асторию, а правую протягиваю ей. Женщина с интересом смотрит, как Астория плывёт к земле и легко кладёт свою руку в мою. Нагибаюсь и легко касаюсь губами её пальцев.

— Ваша слава вас опережает, мистер Лернер.

— Уверяю вас, что вне всякого сомнения, я не более чем на три четверти так злобен, как меня выставляют.

— Меня весьма поразило, когда моя дочь настаивала на самом продвинутом тексте по беспалочковой магии из числа имеющихся у нас. Но теперь я своими глазами вижу, что неверие моего мужа оказывается неуместным. Какая жалость, что он всё пропустил.

— Я не пропустил, — говорит мистер Гринграсс, выходя к нам из основной массы людей. — Рад новой встрече с вами, мистер Лернер.

— Взаимно, мистер Гринграсс, — пожимаю я ему руку. Из-за того, что они оба видели свою младшую дочь у меня на плечах, мои реакции на красоту миссис Гринграсс и похвалы мне лично, уверен, что моё лицо пылает как кумачовый флаг. — И прошу прощения за то, что посадил её себе на плечи...

— Глупости, мой мальчик, — мужчина ободряюще хлопает меня по плечу.

— Мы наблюдали за вами с ней с самого начала, — понимающе улыбается его жена.

— Мам!

— Мы тебя искали, чтобы сообщить про Дафну, — объясняет мать. — Нас навестили вчера вечером, просили разрешения и уверили в полной её безопасности. Как мы поняли, мистер Лернер умиротворил твоё беспокойство.

— И обучил тебя новому заклинанию, если я правильно догадался.

Пробую снова извиниться, но Астория влезает первой.

— Научил! Он и Гарри вычислили, почему Гермиона потерялась, и потом показал мне, как заставить мою палочку показать на Даф! Смотрите... укажи мне! — Ей палочка поворачивается к озеру и замирает.

— Отлично, Стори, — награждает её широкой улыбкой мать.

— Заклинание четырёх точек, то самое, что мистер Поттер использовал с метлы? — смотрит на меня её отец.

— Оно самое, — киваю я.

— Гарри тоже ты научил? — спрашивает Астория.

— Нет. Его обучила Гермиона. При необходимости выучить заклинание, она может в этом помочь не хуже профессора Флитвика. Если, конечно, она не болтается в этот момент глубоко в озере в компании силков*.

/* Силке (силки) — selkie (silkie) — в шотландском и ирландском фольклоре существо или дух в форме тюленя, но может также принимать гуманоидную форму/.

— Это та самая Гермиона, которую мы пригласили к нам на предстоящие каникулы, — делает вывод миссис Гринграсс. — Не так ли?

— Это она, — подтверждает широко улыбающаяся Астория.

— Благодарю вас ещё раз за любезное приглашение, — втягиваясь в обычный разговор, стараюсь избавиться от собственного смущения. — Я говорю от имени всех нас троих, что ваше приглашение провести время каникул с вашей семьёй — большая честь и стимул для нас.

Мистер Гринграсс отмахивается, говоря, что это его дочери были настойчивы и убедительны. Но когда я решаю, что уже преодолел своё смущение, миссис Гринграсс затрагивает тему моих подарков, опять заставляя меня краснеть. Приходится ещё раз объяснять, что кулон Офиона — чистое совпадение.

Немного спустя целый хор оханий предваряет стремительный порыв к краю помоста у озера. Смотрю вверх на отсчёт времени задания и вижу, что прошло только двадцать минут. Опять усиленный сонорусом голос Бэгмена звучит над долиной, отражаясь многократным эхом.

— Леди и джентльмены, Гарри Поттер уже появился на поверхности, и спешит назад! Кажется... да, точно, его заложник находится на каком-то плавающем устройстве и буксируется к нам с впечатляющей скоростью! Прошло всего лишь двадцать минут из отведённого часа, и Гарри Поттер скользит по воде к своей победе!

Я бросаюсь к краю вместе с Асторией и её родителями по пятам.

— Как он так быстро плывёт? — спрашивает мелкая.

— Это всё жабросли, которые добыл для него Невилл. Думаю он принял получасовую дозу в начале, поэтому ему придётся пока остаться под водой.

Наверное кто-то подслушал мои слова, потому что вскоре Бэгмен объявляет, что съел Гарри перед нырком, и, конечно, тут же опять полилось его обильное славословие Гарриной стратегии.

Я вижу, мадам Помфри и целители из других школ вместе с помощниками стоят рядом с ограждённой секцией помоста, готовые согреть и высушить заложников и позаботиться о раненых чемпионах. У меня большое искушение просигналить Гарри и сделать это самому. Но тогда мои беспалочковые способности станут известны всей толпе. А учитывая явную болтливость народа, мне ещё раньше стоило бы быть благоразумней с левитацией Астории и Луны.

Гермиона крепко держится за трансфигурированный бело-пенистый спасательный круг, который Гарри подтаскивает к причалу. Она широко улыбается на бурную овацию, крики и

свист зрителей. Скорее всего на неё наложены согревающие чары — то ли ею самой, то ли Гарри постарался, — не заметно ни капельки непроизвольной дрожи, хотя с неё течёт вода в три ручья на знобящем февральском ветру.

Меня слегка раздражает, что целители заставляют её лезть на стенку причала по лестнице вместо использования левитации, но они сразу же слегка реабилитирут себя, завернув её в большое полотенце цвета хорошего загара. Она находит мои глаза и не сводит с меня взгляда, пока мадам Помфри задаёт ей вопросы прямо на ухо. На которые она отрицательно крутит головой несколько раз, пока наконец ей не дают свободу. Она сразу же мчится ко мне, а я подхватываю и поднимаю её в воздух. Нам сразу же приходится отступать от напора той части толпы, что рвётся посмотреть на Гарри. Несколько человек следуют за нами и кричат вопросы, но мистер Гринграсс замечательно их сдерживает на некотором расстоянии.

— Извини, я тебя тут всего намочила.

На что я выпускаю поток магии, который просто выталкивает всю воду из нашей одежды и оставляет нас совершенно сухими, кроме небольшой лужицы, вылившейся на мои ботинки. Астория пищит и отпрыгивает назад к своей матери. Так и подмывает выдать шутку насчёт беременности, но предпочитаю ещё одно объятие и уверяю, что всё в порядке.

Гермиона что-то говорит, но выкрикиваемые народом вопросы заглушают смысл, и тогда я устанавливаю чары уединения.

— Спасибо, Уильям, — снова говорит она.

— Мы так за тебя беспокоились. Тебе стоило видеть Гарри… Хорошо, что тебя уже не было в пределах территории замка, когда мы пошли тебя разыскивать. А то он точно подрался бы с Дамблдором, чтобы вернуть тебя.

На что она тут же краснеет.

— А ты не ввязался бы?

— Может помог бы немножко. Ну ты знаешь, спотыкательная порча ему в спину или ещё что-то по-мелочи.

— Ты знал, что должно случится, так ведь? Когда я узнала о происходящем, я сразу вспомнила, какое у тебя весь вечер было лицо.

— Я подозревал. Но может нам отвлечься, и позволить тебе ответить на несколько вопросов обожающих фанатов?

— Мы ещё поговорим, — со значением говорит она. Подозревает. Остался осадочек,

несомненно остался.

Я уже собираюсь снять чары уединения, а она поворачивается от меня, когда моё внимание привлекает слишком запутанный вид её волос. Это слишком даже для её обычной гривы.

— Постой!

Она замирает, а я начинаю копаться в переплетениях кудряшек. Помню, что Скитер в них пряталась в книге, но сейчас она вряд ли успела. К несчастью, мои пальцы так не могут распрямить запутанные узелки.

— Ой, что ты делаешь?

— М-м-м… — У меня начинает болеть живот от количества использованной за последнее время магии, но… — Когда я высушил тебе волосы, они типа взорвались, и получилась жуткая путаница. Попробую их хотя бы слегка укротить.

— Ох, — пусть её лицо и скрыто, но я почти чувствую, как она заливается румянцем.

Продолжаю пальцами расчёсывать ей волосы, но добавив свою магию с намерением распустить клубки, и через полминуты я ощущаю, что вполне достойно справился с задачей. Но без абсолютно чёткого ощущения конечного результата, её волосы становятся прямыми. Без обычных её завитков и загибов они теперь достают до нижнего края лопаток.

— Вроде окей. Закончил.

Она тут же проверяет руками, и от неожиданности у неё слегка перехватывает дыхание. А когда она разворачивается ко мне лицом, волосы от инерции разлетаются по сторонам.

— Извини, я перепутал?

— К-как ты это сделал?

— Не знаю, но тебе как, окей? Извини, не знаю как сделать, чтобы выглядели как обычно.

В этот момент миссис Гринграсс протягивает ей зеркальце, а я, шепнув на ушко Гермионе, кто это, внезапно вспоминаю о куче сторонних наблюдателей. Слышу, как у Гермионы снова перехватывает дыхание, как раз перед тем как я снимаю чары и обнаруживаю потерю интереса к нам большинством окружающих — вокруг стало заметно тише. Урсула, Астория и её мать смотрят на нас с любопытством. Глава семейства разговором отвлекает от нас внимание нескольких репортёров. Бросаю взгляд на табло — только пять минут прошло с момента выхода Гермионы из воды. Ещё больше половины времени остаётся.

— Пойдёшь к Гарри, он вот-вот вылезет из воды?

Она встречается со мной взглядом, глаза на мокром месте. Почему? То ли испортил волосы, то ли её наоборот, ей понравился результат вмешательства.

— Хорошо, — говорит она.

— Добро пожаловать в нашу компанию, — с лёгкой улыбкой приветствует её миссис Гринграсс. — Астория рассказывала мне про ваши чары уединения... Вы не перестаёте удивлять, мистер Лернер.

— Вы не представляете насколько правы, миссис Гринграсс, — быстро приходит в себя Гермиона. — Кстати, меня зовут Гермиона Грейнджер.

Но ещё до того, как они с присоединившейся к разговору Асторией успевают зайти так далеко в своих словесных игрищах, чтобы я расцвёл, как маков цвет, дружный поражённый вздох толпы и несколько отчаянных криков привлекают наше внимание назад к озеру. Гарри, оказывается уже начавший вылезать по лестнице на причал, тут же суёт в рот полгорсти жаброслей, бросается в озеро и плывёт к чему-то появившемуся на его достаточно спокойной поверхности. Сочувственные охи и всхлипы появляются, когда становится понятно, что это чьё-то тело и даже с такого расстояния становится заметен красный цвет воды около него. Взгляд вокруг показывает, что все застыли в безмолвном ужасе, а мне вдруг хочется кого-то побить — вот какого чёрта никто не принёс мётлы? Призываю гаррину Молнию, которая, забытая всеми, так и болтается в месте первого нырка Гарри в озеро. Совершенно не думая и не оглядываясь, взбираюсь на метлу и гоню к телу, только краем сознания отмечая крики Гермионы.

Я слишком разгоняюсь до того, как понимаю свою ошибку — я никогда не летал так быстро, уж не говорю об умении суметь остановиться после. Медленно отклоняюсь назад, но набранная мной скорость слишком высока. Гарри как раз добирается до неё, потому что теперь я ясно вижу — это Флер. Что за дьявол? Как она может быть так ранена, этого же не было в первый раз! Я пролетаю мимо них перед тем как, за отсутствием лучших слов, торможу с заносом и наконец умудряюсь зависнуть. Гарри явно в бешенстве.

Тыкаю пальцем вниз.

— Ныряй за её сестрой, Флер я заберу!

От потока магии сквозь всё тело живот болезненно сжимается, но я плавно поднимаю девушку из воды. Она бледна, из рваных и колотых ран на шее и конечностях сочиться кровь. Гарри смотрит на меня умоляюще, потом кивает и ныряет. Мне хочется немедленно закрыть её шейные раны, но будет плохо, если я прямо сейчас отрублюсь. Боль в животе намекает поторопиться, но я не настолько хорош на метле, чтобы попасть точно на причал, левитируя человека. Поэтому целюсь на берег левее, поближе к замку, и прибавляю ходу, насколько отваживаюсь. Смещаю Флер слегка в сторону, когда капли крови и воды начинают попадать

мне на лицо и в глаза.

До берега я добираюсь раньше бегущих целителей и хоть практически падаю с метлы, но Флер опускаю так нежно, как могу. Мой живот скручивает в узлы и в голове бьётся колокол, но я принуждаю всю доступную мне магию истекать из рук с намерением исцелить раны на шее. Чувствую начало действия волшебства, но как же медленно всё происходит! Пытаюсь пробиться сквозь боль в голове и животе, но её кровь продолжает пульсировать из ран с каждым биением её сердца, каждым толчком с очевидностью уничтожая мой успех.

Чёрт меня подери, я уже сделал изменения и не могу ей позволить умереть из-за этого! С воплем от разочарования, я сжимаю в ментальном кулаке источник моей магии, неистово требуя больше от него.

Сила желания пробивает оболочку, меня охватывает ужасная боль, и одновременно пылающая энергия идёт потоком сквозь тело. Инстинктивно я заставляю часть из неё выходить из моих теперь светящихся белым ладоней ладоней над телом Флер. Едва отметив резкое сращивание частей её плоти на шее, мой взор расплывается и темнеет. После безуспешной попытки сбросить это состояние, по памяти быстро смещаю ладони к следующим наиболее скверным разрывам на кистях и в районе, где вроде бы проходит бедренная артерия. Не могу видеть результатов, но продолжаю выдавливать магию из себя и толкать в девушку, пока окончательно не сваливаюсь в полную темноту.

http://tl.rulate.ru/book/53673/1361920